

ВСЕГДА ПО-СВОЕМУ

Владимир Шемшученко. Избранное (книга стихотворений). — СПб.: НППЛ «Родные просторы», 2016. — 160 с.

Владимир Шемшученко отнюдь не новичок в поэзии, более того, этот поэт отмечен немалым числом премий — тем интереснее проанализировать недавно вышедший из печати сборник «Избранное» на предмет определения своеобразия, уникальности поэтической мысли и поэтического слова. Что же бросается в глаза при первом уже знакомстве со стихами Владимира Шемшученко и что, напротив, требует пристального отслеживания, едва ли не герменевтического подхода? Попробуем эти индивидуальные черты (условно, конечно же!) пронумеровать.

Во-первых, поэзия Владимира Шемшученко — это мужская поэзия. На поэтическом горизонте (впрочем, не только на поэтическом, в быту и на службе тоже!) сейчас продолжается такой период, когда женщины и ведут себя, и пишут подчеркнута по-мужски, а противоположный пол не чурается женственных признаний, шквала обид и прочих атрибутов отнюдь не своего гендера. У В. Шемшученко все четко по-мужски. *Ненависть — высшей пробы! — / Сыну в сердце вложу* (с. 151). *Плачет сука, и я с ней плачу, / Ненавидя и благодаря* (с. 149). *Двадцатый век оттяпал полдуши / И треть страны, в которой я родился* (с. 146). *И вдрызг разругались соперницы-кошки, / Изрядно помяв меховые манто. / Вот глупые твари. Свернуть бы им бошки!* (с. 143). *А собачьи глаза — Вон какие стихи сочиняют!* (с. 128). *Любимая, я — идиот — / Европа стихи не читает* (с. 95). *К чертям занудный ход календаря!* (с. 102). *И в рюкзак уложить тишину и усталость* (с. 41).

Во-вторых (впрочем, это вытекает из первого!), Владимир Шемшученко — поэт эпатажа, отстаивающий свое право на эмоции, достаточно часто альтернативные классическим поэтическим ожиданиям. Но этим голосом говорят сейчас многие, очень многие, которым эти стихи, если бы они их слышали, были бы до боли близки и дороги. У поэта Геннадия Калашникова есть выразительная строка: «*Вся суть поэзии — касанье, она не зеркало — ладонь*». То, о чем рассказывает лирика Владимира Шемшученко, *касается* буквально каждого соотечественника-современника: «*Неладно со времен царя Гороха...*», «*Обшарпанный футляр, а в нем аккордеон...*», «*Я устал. Мне уже никогда...*», «*Стало страшно читать и писать...*», «*Петь не умеешь — вой*». Мы привели сейчас самые первые строки (и, соответственно, названия некоторых стихов), тематически различных, но равно остающихся в памяти и структурирующих образ поэта.

Ролан Барт выдвинул идею о «третьем смысле» кинопрочтения произведений. Первый смысл — социально-этический, второй — эстетический, однако фильм фиксирует всегда несколько больше, чем хотел сказать автор. Примерно о том же пишет в своей книге «Простодушное чтение» и Сергей Костырко: «*А у художества, как известно, своя логика, и противоречие между тем, что намерен был сказать автор, и тем, что сказалось, почти всегда неизбежно*». Мы сейчас ведем речь о том, что у Владимира Шемшученко немало строк уделено «русской болезни», поскольку талантливый поэт, подчас независимо от своих установок, то есть интуитивно, становится всеобъемлющим зеркалом социума. Причем упомянутая тема работает и на образный ряд: *И хлебнув с утра весенней влаги, / Провода трамвайные поют* (с. 85). Тут проступает очень напряженный нерв оценки: всё ли, что есть в жизни, долж-

но проникать в книгу или всё же не всё? Отражаем ли мы происходящее (науке известен такой термин, как сверхсмертность мужчин, — понятно от чего) или утolem извечный голод, свою неумную тоску по идеалам и образцам повседневного поведения?

Вот одно из самых сильных стихотворений «Счет»: *Я иду, заливаясь слезами, / Всеотзывчивость нашу кляня... / А навстречу — со злыми глазами! — / Боже, как они любят меня!* (с. 142). Нас всех (не только мужчин! не только много переживших!) достаточно часто захлестывают отрицательные эмоции, которые, оказывается, тоже нужны личности, что блестяще доказал в своей книге Томас Гордон, защищая права детей на гнев и зависть, обиду и злость. Кстати, американского психолога трижды представляли к Нобелевской премии, но его смерть сняла этот вопрос с рассмотрения. Мы же пишем об этом потому, что сильным эмоциям ой как необходим свой язык. «Язык не может быть сокровенным. Если он сокровенен — он не язык», — подчеркивает в романе «Полевые исследования украинского секса» Оксана Забужко.

Тем ярче в сборнике «Избранное» у Владимира Шемшученко звучат альтернативные, добрые стихи, например, о сыне, подобравшем котенка, или о дятле за окном. *Котенок спит, а рядом спит счастливый / Поэт, не написавший ни строки* (с. 127). *...Лукавый кругленький глазок... / Обыденно... Но так красиво! // ...И он бросает вызов мне / Трехстопным ямбом в телеграмме. / На нем атласный колпачок / И боевое оперенье... / Ну ладно, ладно, дурачок / — Ты лучшее стихотворенье!* (с. 130).

Продолжим наш подсчет особенностей поэтики Владимира Шемшученко. И так (это уже в-третьих!), стихи Владимира Шемшученко подкупают необычным для поэтического языка соединением, сочетанием, сопряжением живой интонации разговорной речи, что, по сути, мы уже продемонстрировали, и яркими аллюзиями, цитатами из классики, а также упоминаниями современных поэтов и писателей. Это строки из Блока и Маяковского, Ломоносова и Пастернака, Александра Пушкина и Александра Грина. Это аллюзия *алых парусов* и аллюзия Э.-М. Ремарка: *На писательском фронте без перемен* (с. 118). Упоминаются Юрий Кузнецов, Геннадий Айги, Захар Прилепин, Глеб Горбовский. К отдельным стихам предпосланы эпитафии из Пушкина, Блока, Мандельштама, Исаковского. Есть посвящения. Марине Кудимовой, например. Таким путем создается лирика, весьма насыщенная именами и образами.

В-четвертых, в стихах сборника много Петербурга, даже если судить только по названиям: «Петербург», «Васильевский остров», «Петербургский вальс», «Наводнение», «Город Гамлет». Впрочем, и вся страна представлена: Караганда, Курилы, Киев, Феодосия, Донецк, Соловки, Онега...

В-пятых (что связано с сильными протестными переживаниями!), в стихах много «политики», они как пронзительная, пронизывающая оценка непростой нашей современности, включая до сих пор «беснующихся укров» и таджиков, вынужденных зарабатывать среди тех, кого выселяли и проклинали. *Посмотрите в окно — кто метет и скребет наши улицы? / Это дети оравших до времени: «Русские вон!»* (с. 137).

Александр Иличевский хорошо сказал о прозе: «В моем понимании, любой роман — это исследовательская работа, способ познания мира. Желание что-то написать возникает тогда, когда что-то не понимаешь. Текст — это попытка размышления по поводу того, что тебе неизвестно» (Новый мир. 2012, № 5. С. 227). Полагаем, что исследовательский посыл есть не только у романа, но и у стихотворения, которое тоже становится инструментом не одного лишь отражения, а еще и анализа события. Вот, например, очень точная зарисовка узнаваемых эмоций: *Скитается взгляд по вагону, чего ни коснется — болит!* (с. 46). Добавим: стих —

это еще и аутоисследование, интерпретация собственного поступка: *Здравствуй. Знал, что вернешься, и верил — / Я тебя отпустил, чтобы этим тебя удержат* (с. 38).

Впрочем, продолжать выделенные выше «во-первых», «во-вторых» и далее не следует: начинает угасать самое главное. Дело здесь вот в ччм. При таком эпатаже и такой «политике», при такой многоликости Петербурга и таких списках имен объединяющим началом, пронизывающим каждый блок, каждый «отсек» своеобразие, у Владимира Шемшученко является яркий лиризм, замечательное чувство необходимости той или иной всегда по-мужски сильной эмоции.

Он вытащил меня из пьяной драки / И в спину подтолкнул: «Беги, убьют...» / Он умер тихо, но его собаки / Заснут всему кварталу не дают (с. 36). *Время любить — без любви умирают, / Вянут, как сбитая градом трава* (с. 37). *Не вы гоняли голубей, / Но вы — поймете...* (с. 22). *Не гляди на меня. Лучше слушай, как мокрою лапой / Законная ель одичало скребется в стекло. / Пересилив себя, ты сумела назвать меня папой / И сама испугалась — давненько мне так не везло* (с. 92). *Снега хочется! Солнца! / Рук твоих! Черт возьми!* (с. 106).

Лирика Шемшученко демонстрирует умение не только пережить, но и выразить эмоцию. Как? Да по-разному и всегда по-своему, так, как мало кто в поэзии эти эмоции выражал. Рассмотрим один интересный содержательный, сюжетный ход и один ход, один прием сугубо формальный, грамматический, поясняя сказанное примерами.

В сборнике парадоксально большое место уделено... собакам или, выражаясь галантным научным языком, концепту «собака», что тоже больше свойственно сугубо мужской поэтике. Считается, что лучшие собаки у Чехова. В поэзии, конечно же, вспоминается Сергей Есенин. Стихотворение Ивана Бунина «Одиночество» заканчивается словами: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить». Так и у нашего автора эмоциональная нить протянута к собачьему бытию и сердцу. *Вот метель, беспощадно диктует стихи, / И наплевать ей, что псы и поэты похожи* (с. 72). *Псина сторожевая / Вдруг замолчала у ног* (с. 40). *Подходит хозяин, хромяя на правую ногу, / И гладит собаку по шерсти, скрывающей шрам* (с. 114). *У меня на руках абрикосовый дремлет щенок* (с. 113). Образ собаки сродни поэту по силе переживаемых чувств и невозможности выразить их словами. Для животного это абсолютная невозможность, а для поэта — это не что иное, как извечная неудовлетворенность очередным плодом собственного творчества, опять не утолившим авторские ожидания.

Поэзия — это движение образов, художественная бесконечность их прочтения. *И соло василька в большом цветочном хоре...* (с. 52). Как мы уже подчеркнули, в этих поэтических образах частым гостем становится узнаваемый Петербург. *...И снежные хищники с крыш / Не прыгают на прохожих* (с. 95). *Постою, помолчу, погляжу на мятущийся снег. / Он еще не лежит на карнизах свалывшейся ватой. / Он летит и летит, и моих не касается век. / Он, конечно же, синий, и пахнет, естественно, мятой* (с. 90).

Он летит и летит... Вот мы и приблизились к характерному для Владимира Шемшученко грамматическому приему, который поэт замечательно разрабатывает. Конец этого стиха: *Снег уже не идет. Он уходит, уходит, уходит...* (с. 90). Повтором современного читателя не удивишь, но ведь здесь повторяется так называемое настоящее актуальное, сиюминутное. Повторяется — и потому продлевается. Вот финал еще одного стихотворения: *Тонкий ломается лед — Кто-то под окнами ходит. / Что-нибудь произойдет / Или уже происходит...* (с. 40). Из других стихов: *Заносит меня в Петербурге метель, / Заносит, заносит, заносит* (с. 72). *И листает, листает, листает / Календарь новогодний зима* (с. 84). *Я, словно снег, иду, иду к тебе* (с. 104).

Говорит, гладит, дремлет, спит, примеряет, прошу, ждет, поем, врывается, роняет, ржет, стирает, целую, знают, сторонятся, кружит, пахнет, согреваю... Мы сейчас выписали из финальных строк глаголы-сказуемые. Обратим внимание: это всё формы настоящего времени. В музыке есть такой значок: фермата. Тяни звук, сколько хочешь: если подольше, то звук станет лучше, выразительнее. Так и поэт формой настоящего времени продолжает, продлевает звучание стиха, хотя стих будто бы уже и закончен.

Повтор требует большой осторожности: это весьма сильный прием. Случайно ли, что в сборнике лишь три стихотворения выстроены по эффектной модели. Два по модели: Это... Это... Это... *А на реке светает — Это издалека, / Это растет, нарастает* (вот оно опять, настоящее время!)... *Это еще не звук, / Это из сердцевины... / Это небесный паук / Звездной наткал паутины... / Это корова-луна / Тучу поддела рогами. / Это кричит тишина / Между двумя берегами* (каков образ реки и потрясающей тишины над нею!)... *Это — здесь и сейчас!* («привилегированные точки» Э. Канта) — *Заговорить стихами... / Это — последний шанс / Не превратиться в камень* (с. 4). В другом стихотворении трижды повторяется группа придаточных, начинающихся с «когда»: *Когда нет преданного друга, / Когда не подадут руки, Когда никто не интересен...* (с. 27–28). Двадцать один ответ в общей сложности протягивает читателю поэт на заголовочный процессный вопрос: когда же «мысль превращается в слова».

Много лет назад в стихотворении Якова Белинского мы отметили прием обрыва не строки даже — обрыва на половине слова. Речь шла об осенних листьях: *Не апрель — наряжаться, / Время гибнуть кружа, — Додержаться... / Держаться... / Держаться... / Держа...* У Владимира Шемшученко в стихотворении «Картина» встречаем: *И штрих за штрихом, словно наземь убитая птица, / И ярость мазка, как прорвавшая шлюзы вода, / И чья-то судьба — просто загнутый угол страницы. / Гадала цыганка. Гадала, гадала, гада...* (с. 29).

Я так чувствую, что скоро перепишу весь сборник, а главное от анализа все ускользает, почему стихи лучше не разбирать, а читать и читать. И ценить этот дар в Другом. У Федора Ермошина есть интересное сравнение наименований лиц с шахматными фигурами. «Поэт — наиболее сенситивный, чутконюхий, но и самый зыбкий агент в этом мире речи. Если сравнить язык с шахматами, то пешками будут журналисты, турамы — прозаики (с их эпической обстоятельностью и неповоротливостью), политики — конями (не знаешь, куда увильнет, и от корявого косноязычия до афоризма один ход), поэт — ферзем: он может ходить, как ему вздумается, он дерзок, размахист и почти всесилен, но его гибель наиболее разительно сказывается на всем балансе сил» (Знамя. 2007. № 10. С. 187).

Трудно сказать, что осталось за кадром, что не вошло в «Избранное», но в любом случае в этой поэзии есть что исследовать и есть что просто читать.

Вера ХАРЧЕНКО